

*Посвящается Андрею,
Морицу и Бруно*

Каждая судьба, как бы длинна и сложна она ни была, на самом деле заключается в одном-единственном мгновении; мгновении, когда человек раз и навсегда узнает, кто он.

Хорхе Луис Борхес

Тишина.

Дерево с треском упало на землю. Мужчины снова запустили бензопилы. Вопль. Протяжный, пузырящийся визг, и пила вонзила зубы в следующую сосну. Я не осмелился повернуться. Сердце разрывалось на куски. Я слышал, как корни столетних гигантов медленно вырываются из земли, как они сдаются и падают.

Я сидел на столбе из красного кирпича у входа в наш новый дом. На противоположной стороне улицы утреннее солнце освещало ряды свежевывкрашенных заборных досок, за которыми таякали собаки, — пригородная идиллия. За моей спиной, в высокой траве зачарованного сада, каким его представляет каждый ребенок, лежали восемь мертвых сосен. Восемь. Я считал. Осталось лишь маленькое, кривое деревце. Его они не тронут. Отец пообещал мне. Я осторожно повернулся в гнетущей тишине.

Потерял равновесие. Покачнулся от испуга. И резко дернулся в противоположную сторону. Еще падая, пролетая в воздухе, прежде чем моя шестилетняя голова ударилась о каменную плиту, я смотрел на ее скромную красоту. Солнце пробивалось сквозь листву, блестели плоды. Она стояла на месте. Одна. Совсем не растерянная. Упрямая. Моя яблоня.

1

— Что, снова к матери?

Какое до этого дело продавщице цветов? К тому же в ее голосе слышался неприкрытый упрек. Что ей известно? Здесь, в Шпандау, все друг друга знают. Не выносимо. Я быстро заплатил и вышел из магазина.

С букетом в руках я свернул в узкий проход между домами. Тогда эти обувные коробки ставили хотя бы возле газонов. Родители сняли здесь квартиру после того, как продали дом во Фронау, чтобы проводить большую часть года в Испании. Таким образом отец исполнил обещание, данное матери десятилетиями назад, в пятидесятых, когда она вернулась из Аргентины в Германию и почувствовала себя не в своей тарелке. Германия перестала быть ее отечеством — и не могла им быть.

— Заходи скорее.

Моя мать стояла в дверях в халате. Она затащила меня в коридор, прежде чем я успел вручить цветы. С последнего посещения прошло несколько недель. Зарядили осенние дожди и снег. Похолодало.

— Я должна тебе кое-что рассказать.

Мы зашли в маленькую гостиную, и она повернулась, высоко подняв голову.

— Я вышла замуж.

Над домом прогудел самолет. Мой отец умер девять лет назад, 24 декабря 2001 года.

— Почему ты мне ничего не сказала? — спросил я.

Она пристально посмотрела на меня, немного подождала.

— Не беспокойся, он уже умер.

— Что... но...

— Проблемы с печенью.

— А.

— Да, как у твоего отца, тот тоже умер из-за печени, но на войне. Вдруг упал — и все. И Карл так же. Он знал твоего отца с войны. Они вместе были в русском лагере.

— Что... Кто умер в России?

— Ну, твой отец.

— Нет.

— Нет? — Она недоверчиво улыбнулась. — Уж мне-то виднее; в конце концов, он был моим мужем, хотя из-за Адольфа пожениться нам не удалось.

— Нет, он не мог умереть во время войны, иначе не родился бы я... Или он не был моим отцом.

— Конечно, он был твоим отцом. Еще не хватало! Как это понимать? Что за бредовые идеи?

— Ну, я родился в 1957-м, а значит, упасть и тем более умереть во время войны он никак не мог: он зачал меня через двенадцать лет после ее окончания...

Она сердито на меня посмотрела.

— У тебя котелок совсем не варит? Просто умора! Но послушай, Карл оставил мне очень много денег — понимаешь ли, он хотел убедиться, что я буду обеспечена, а поскольку он постоянно ругался из-за меня со своей родней...

— Почему?

ЯБЛОНЕВОЕ ДЕРЕВО

— Ну, он же из Бенцев.

Она умолкла и многозначительно на меня посмотрела.

— Бенцев?

— Да. Даймлер Бенц.

В ее устах имя прозвучало, как восьмицилиндровый автомобиль.

— И почему он ругался из-за тебя с семьей?

— Иногда ты правда туго соображаешь. Почему-почему? Они боялись охотниц за наследством. К тому же Карл был гораздо моложе меня. Это тебе в голову не пришло?

— Сколько же ему было лет?

— Точно уже не скажу. Сорок семь? Ты ведь знаешь, меня иногда подводит память? А может, сорок шесть, в общем, около пятидесяти... Да.

— Но я думал, он вместе с папой отбывал заключение в России?

— Да, я же сказала. Ты меня опять не слушал?

— Нет, просто тогда ему не могло быть около пятидесяти... Если он был с папой в русском лагере.

Я надеялся, она одумается, хотя было заранее ясно: это невозможно. Противоречия не смущали ее и раньше. Но все же я попытался.

— Ведь тогда он должен был быть примерно твоего возраста.

— Но не был. Он был моложе меня на тридцать лет. Точка. Короче, слушай — он оставил на моем счете два миллиона евро. А поскольку мне деньги не нужны, я решила подарить их тебе и твоей сестре.

Она посмотрела на меня с довольным, сияющим видом.

— О, очень мило с твоей стороны, но почему ты не хочешь оставить их себе?

— Зачем? У меня достаточно денег, и жить слишком долго я не собираюсь. Я уже все видела и не хочу скучать. И прежде чем мы отправимся в банк за деньгами, я хочу заехать в «Интерконтиненталь».

Я вопросительно посмотрел на нее.

— Ну, там мы с Карлом праздновали свадьбу, и на следующее утро я забыла свадебное платье — пры-я-ямо там. Возможно, оно так и висит в шкафу. Хочу забрать его.

Я пришел с исписанным блокнотом, сел перед матерью и собирался расспросить ее об отце — а она рассказывала о своей свадьбе с Карлом Бенцем.

Я понимал: время, которое я ищу, еще не кануло в забвение. Оно растворялось у меня на глазах. Оставались лишь осколки ее жизни. Отдельные сюжеты повторялись в разных вариациях, соединяясь по-новому, словно картинку разрезали на части, несколько потеряли, а из остальных собрали новое целое. Будто создали в забвении новую душу.

И мой отец, с которым она прожила всю жизнь — с тринадцати лет, — мой отец исчез, погиб на войне много лет назад, и его заменил Карл Бенц.

С марта 1945-го до конца 1950-го мой отец был в русском плену. Возможно, годы разлуки преобразились для нее в смерть? Потому что тогда она поверила, что потеряла его, начала принимать его гибель, как многие женщины того времени, и эта смерть долго оставалась частью ее реальности. Возможно, ее иссякающая память снова вернулась туда?

ЯБЛОНЕВОЕ ДЕРЕВО

Мы дошли до филиала банка всего за несколько минут. Моя мать целеустремленно направилась к консультанту. Она опустила на стойку свою большую пустую сумку.

— Добрый день, не могли бы вы озвучить сумму на моем счете? Сала Ноль, — сказала она степенным, почти торжественным тоном. После смерти отца она вернула девичью фамилию.

— Конечно, госпожа.

Сотрудник банка вежливо кивнул. Она заговорщически мне улыбнулась. На короткое мгновение я засомневался. Это ведь невозможно. Или?

— 3766 евро и 88 центов, сударыня.

Она ненадолго подняла взгляд.

— Нет, я про другой счет.

Похоже, консультант ее не понял. Мама повернулась ко мне и со вздохом покачала головой, словно извинялась за непрофессионализм сотрудника: ему еще следует многому научиться, но она великодушно закрывает на его промах глаза.

— Простите, но в нашем банке у вас только один счет.

— Вот как?

Она неуверенно кивнула, и с ее лица схлынула краска.

— Хорошо, тогда я вернусь завтра, когда будет ваш начальник.

Бедный мужчина вопросительно на меня посмотрел.

— Будем рады, госпожа.

Я осторожно вывел ее прочь.

На улице она прошла несколько шагов и остановилась. Изумленно посмотрела на меня.

— Не могла же я все это придумать.

Я говорил с врачами, добросовестно и старательно описывал все симптомы, самые ранние признаки расстройства и выяснил то, что знал с самого начала. Мне оставалось лишь сопровождать маму на неизбежном пути к тоннелю, чтобы потом, шаг за шагом, отпустить ее во тьму забвения. Психиатр посоветовал посещать ее как можно чаще. Регулярные беседы и общение могли замедлить течение болезни. Визиты давались мне тяжело. Они продолжались, пока у меня получалось проникнуть в ее мир. Чаще всего мне удавалось выстроить четкую картину, когда я оставался наедине с собой и ее голосом.

Некоторые помнят вкус печенья, которое их мама ставила на стол по воскресеньям, особую еду, любимое блюдо, аромат которого неизменно открывает дверь в закрытую комнату детства. Другие вспоминают запах материнских духов, ее объятия, как она сидела возле их кровати во время болезни, ее походку, движения, силуэт ее спины, когда она выключала свет и выходила из комнаты, поцелуй, который помогал справляться со страхом засыпания, ее улыбку и слезы сочувствия или просто тихое, обнадеживающее присутствие. Я же вспоминаю ее слова. Слова, которые превращались в мои собственные образы. В пол, стены, окна и двери моего мира. В детстве для меня не было ничего страшнее ее молчания. А теперь? Она медленно погружается в мир, где нет общего языка?

Психиатр объяснил мне, что связь с реальностью сохраняется даже в бреде, но распознать ее непросто.

— Когда на утреннем обходе параноик рассказывает, что санитар всю ночь истязал его электромагнитным излучением, можно предположить, что нака-

ЯБЛОНЕВОЕ ДЕРЕВО

нуне вечером санитар отнесся к пациенту не слишком дружелюбно.

Но, судя по описаниям, с мамой все было не настолько плохо. Я спросил о ее диагнозе. Он улыбнулся и пожал плечами.

— Вам поможет ярлык?

Настаивать я не стал. К чему мне слово, значения которого я не знаю? При прощании он положил руку мне на плечо. На мгновение мне показалось, что мы знакомы уже целую вечность.

— Не теряйте мужества.

Дома я принялся искать в фотоальбомах следы ее старой жизни. Начал записывать наши разговоры. Я слушал и слушал ее рассказы, и первоначальный ужас сменился более спокойным любопытством. При этом я чувствовал себя скрытым наблюдателем, незванным гостем. В этих рассказах содержалась эссенция ее жизни, монета, летящая в бездонный темный колодец. Мог ли я отыскать в ее забвении частицы воспоминаний? В какой сумрачный подвал она меня привела? И что скрывалось на обратной стороне медали? Возможно, отпечатки прошлых переживаний наложились на еще более глубинные слои воспоминаний и создали новую реальность? Некоторые пробелы в истории моей семьи навсегда канут в лету? Может, официальная версия нашей истории — лишь прирученные воспоминания, интерпретация с вычеркиваниями и дополнениями, и мы пытаемся сформировать из фрагментов цельную идентичность? Посещая мать, я задавался все новыми вопросами, погружался все глубже. Чем в более далеком прошлом разворачивались события, тем лучше, казалось,

она их помнила. Передо мной возникла призрачная история родителей, магическим образом проявившись в утраченном времени.

Я стоял перед ее дверью в Шпандау. Позвонил в звонок и беспокойно ждал. Давящая тишина. Здесь все казалось серым и грязным, хотя везде тщательно убирались. Воздух был влажным, на горизонте собрались грозовые тучи. А если никто не откроет? Вдруг она умерла? Может, лежит мертвая в коридоре или растянулась на ламинате в гостиной. Я позвонил еще раз. Иногда она просто громко слушала музыку или отключала звонок, если хотела покоя. Я уже собрался доставать мобильный, когда услышал ее шаги. Она никогда не была спортивной. В летние каникулы в моем детстве она целыми днями сидела на берегу под зонтиком и смотрела на море. Тогда ее тело было тяжелым и тучным. Я не знал почему. Я стыдился, когда смотрел на нее, мне хотелось красивую, привлекательную маму, чтобы мне все завидовали, элегантно одетую, с длинными темными волосами, как на фотографиях ее молодости. Но она много лет подряд ела уйму сладостей, готова была умереть за масляные соусы и, как я потом узнал, поплатилась за свою несдержанность повышенным сахаром крови. Диагноз звучал как «диабет 2-го типа», и уже несколько лет ей приходилось трижды в день вкалывать себе инсулин. Одна из ее худших привычек, причуда, которая раздражала и преследовала меня все детство, — постоянная смена париков, обязательного атрибута самоуверенной женщины шестидесятых, как говорилось тогда в рекламе. Однажды я раньше времени вернулся из детского сада, и мне